

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 612.017.2:159.99:343.8

Природа и сущность патологической адаптации осужденных

С.В. БАБУРИН – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В статье рассматривается природа и сущность пенитенциарного стресса и адаптации осужденных к условиям отбывания наказания, особенности стрессовых ситуаций осужденных. Отмечается необходимость учета многоплановости социальной адаптации осужденных к влиянию разноплановых и системных пенитенциарных стрессоров, изучения и учета нейроэндокринных и других механизмов на основе комплексных междисциплинарных исследований, раскрывающих психологические, социально-психологические, нейроэндокринные, клеточные и молекулярные механизмы как стрессовой адаптации, так и микстов с ЛР в формах пенитенциарной дезадаптации.

Ключевые слова: пенитенциарный стресс; адаптация; патологическая адаптация; личностные расстройства – психопатии; дезадаптация; микст.

The nature and essence of pathological adaptation of convicts

S.V. BABURIN – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

The article examines the nature and essence of penal stress and adaptation of convicts to the conditions of serving the sentence, especially stressful situations convicted. It notes the necessity to take into account diverse social adaptation of convicts to the influence of diverse and systemic prison stressors, study and consideration of neuroendocrine and other mechanisms on the basis of complex interdisciplinary research, revealing the psychological, socio-psychological, neuroendocrine, cellular and molecular mechanisms like stress adaptation, and mixed doubles with personal disorders (PD) in the forms of prison desadaptation.

Key words: penal stress; adaptation; pathological adaptation; personality disorders – psychopathology; desadaptation; mixed.

Изучение пенитенциарного стресса и адаптации невозможно вне анализа общего состояния культуры общества на современном этапе развития социальных институтов. Выявляемый у разных страт населения Российской Федерации психологический стресс и его широкое проникновение в социальное сознание во многом объясняются духовным кризисом. Все большую актуаль-

ность при этом приобретает и проблема социогенных расстройств поведения, вызываемых культурными трансформациями, связанными с интенсивным искоренением духовно-нравственной составляющей из жизни народа¹. Коллизии мировой культуры указывают, что психическое здоровье населения многих стран испытало на себе негативное воздействие (ятрогению) в виде

чрезмерного расширения практики психоанализа и других форм массовой психологической травматизации. Однако излишняя популяризация социологами и психологами проблемы стресса, осмысление и принятие его человеком (обществом) служит дополнительным фактором его индукции².

Оценка духовно-нравственной сферы осужденных, детерминированной общим антропогенным кризисом культуры, наряду с данными о психогенном влиянии стрессоров пенитенциарной среды на их внутренний мир дает право говорить о возможности причисления пенитенциарного стресса в широком смысле к явлениям социально-психологической природы, то есть к негативному варианту популяционного психического (психологического) стресса. Существующие в литературе определения пенитенциарного стресса внутренне противоречивы и не исчерпывают сущности данного многогранного феномена. В изучении негативной природы этого явления все чаще используется синтез транзактного и культурологического подходов. Кроме того, постижение природы пенитенциарного стресса идет в русле исследований совладающего поведения и жизнестойкости с позиций экстремальной, экзистенциальной и антропологической методологии на базе постнеклассической психологии. Используемая реактивная (биологическая) и регулятивная (психологическая) парадигмы стресса сегодня обогащаются положениями полипарадигмального и междисциплинарного подходов, позволяющих рассматривать пенитенциарный стресс в качестве нарушения функции высших психических процессов и состояний сознания человека³. Культурологический и трансличностный подходы отражают новый этап в изучении психологии пенитенциарного стресса на основе гуманитарных взглядов на природу человека и сущность его внутреннего мира. Культурологический подход, определяющий значимость накопленного культурного опыта в преодолении экстремальности⁴, дополняется в трансличностном подходе духовной парадигмой стресса, определяющей духовность не только в качестве главного стресс-лимитирующего фактора, но и в качестве интегрального системообразующего начала (фактора) в процессах становления человека личностью⁵. Синтез духовной парадигмы стресса и адаптации с метатеорией сознания открывает перспективы изучения пенитенциарного стресса и адаптации в качестве психологических состояний, отра-

жающих формы организации субъективной реальности осужденных с позиций анализа их духовности.

Одной из особенностей стрессовых ситуаций, в которые попадает осужденный, является их многократное повторение – попадание в СИЗО, карантин, нахождение в исправительном учреждении (ИУ) и т.д. Осужденному приходится неоднократно испытывать «новый» стресс и повторно адаптироваться к действию самых различных факторов: требованиям режима отбывания наказания и всей совокупности средовых стрессоров. При этом имеет место «наслоение» и взаимное перекрытие стрессовых стадий – тревоги и резистентности, то есть действие нового (повторного) стрессора попадает на различные периоды стадии (временные интервалы) резистентности. Излишнее напряжение, возникающее на этой основе, согласно теории стресса Г. Селье, запускает развитие третьей стадии стресса (истощения), которая отражает нарушение регуляции защитно-приспособительных механизмов борьбы организма и снижение его резервных возможностей. Считается, что истощение ресурсов адаптации у осужденных сопровождается возникновением стрессовых расстройств и повреждений, лежащих в основе различных форм психической дезадаптации (болезней адаптации, пограничных психических расстройств, психосоматических заболеваний и т.д.).

Обычно динамика совладания с пенитенциарным стрессом и приспособления осужденных к ИУ описывается в виде прохождения сменяющих друг друга определенных этапов адаптации: стартового психического напряжения, острых психических реакций, переадаптации, завершающего психического напряжения, острых психических реакций выхода и психологической реадaptации. Отражающие динамику этих этапов стадии социально-психологических преобразований (в форме социальной адаптации) осужденных имеют кардинальное сходство с классической картиной смены стадий развития стресса в виде общего адаптационного синдрома (ОАС)⁶. При этом прослеживается закономерность и в динамике формирования тех или иных форм социально-психологической и психической дезадаптации. Так, нарушения процесса адаптации на начальной стадии (фазе уподобления окружающим) проявляются в повышенной конформности и зависимости от осужденных. На стадии индивидуализации при конфронтации с окружающими и отсутствии

взаимопонимания в среде осужденных дезадаптация проявляется в виде агрессивности, подозрительности, негативизма. А на стадии интеграции при неудачных попытках вхождения в сообщество осужденных наступает дизинтеграция и, как следствие, изоляция либо вытеснение из общности⁷. Иначе говоря, процесс так называемой адаптации осужденных к ИУ представляет цепь повторяющихся эмоционально-стрессовых событий, выход из которых (адаптация) может иметь повреждение – дезадаптацию. То есть под собственно адаптацией осужденных к условиям неволи с этой позиции следует понимать цепь приспособительных реакций (процессов, состояний) к многократно повторяющимся острым стрессовым событиям, обозначаемым в стрессологии в виде прерывистого стресса. Учитывая непрекращающееся действие основного стрессора – социальной депривации – и ряда других раздражителей (агрессивной среды и т.д.), адаптация одновременно может рассматриваться и в качестве одной из стадий хронического стресса. Это хорошо согласуется с социально-психологическими исследованиями адаптации осужденных, в которых показано, что в наиболее яркой форме стрессовая природа адаптации прослеживается на «входе» осужденного в ИУ и «выходе» из него. Так, фаза начальной адаптации – это стресс, связанный с необходимостью адаптации осужденного к ИУ, а социально-психологическая реадаптация – это стресс подготовки к жизни на свободе⁸.

Многочисленные исследования подтверждают это положение и указывают на необходимость учета многоплановости социальной адаптации осужденных к влиянию разноплановых и системных пенитенциарных стрессоров. Это и адаптация к условиям ИУ и требованиям режима, и адаптация к самому миру преступников, их субкультуре, правилам, нормам и кодексу жизни. Вынужденная повторность адаптационных перестроек у осужденных приводит к ломке вырабатываемых форм адаптации и стереотипов, сопровождаясь перенапряжением механизмов адаптации и истощением адаптационных ресурсов. Перестройка функционирования регуляторных и исполнительных систем, отражающих механизмы адаптации осужденных к ИУ, в пенитенциарной практике представлена (отражается) преимущественно на уровне изменения поведения. Известно, что в стрессовых ситуациях возникают нарушения наиболее сложных форм социально детерминированного

и вместе с тем адаптивного поведения человека. В отличие от успешной краткосрочной адаптации, не изменяющей адаптивное поведение, долгосрочная устойчивость (стойкая адаптация) к условиям ИУ, индуцирующим длительное нервно-психическое напряжение, отражает качественно иное состояние психики и поведения осужденных по сравнению с исходным. В связи с этим смена средовых условий с перспективой возврата к нормальным условиям жизни и деятельности неизбежно нуждается в соответствующей реадаптации, как психологической, так и социально-психологической. Показано, что процесс адаптации осужденного, связанный с преодолением многочисленных ситуационных факторов ИУ, представляет лишь часть более сложного взаимозависимого процесса – системогенеза в виде неразрывной системы «стресс-адаптация-реадаптация» личности, имеющей конечной целью ресоциализацию⁹. Системообразующими факторами структуры данной системы, осуществляющими ее функционирование, являются интегральные психологические качества осужденного: состояние духовного развития, наличие жизненных планов, степень осмысленности собственной жизни и умение извлекать уроки из прошлого опыта. К ее системообразующим признакам относятся: активность личности, ресурсы совладания, умение сотрудничать и взаимодействовать с другими, ориентация на развитие и социально полезный труд. При этом центральное место в динамике процесса преодоления стресса, адаптации-реадаптации и ресоциализации отводится саморазвитию субъекта, формированию способности управлять собой в критические моменты жизни, брать ответственность за себя, критически оценивать свой негативный опыт и т.д.¹⁰

Известно, что развитие психической и психофизиологической адаптации к неволе во многом обусловлено конституционально-типологическими особенностями личности осужденного, определяющими различия индивидуальной реактивности и устойчивости организма. Так, у разных осужденных один и тот же стрессовый фактор может вызывать различные проявления и последствия. Значимость личностно-типологических характеристик осужденных отражается не только в своеобразии течения психофизиологических процессов адаптации, но и в особенностях патологической предрасположенности (почвы) к нарушению той или иной функциональной (исполнительной) системы. Как

видно из этого, понимание процесса стрессовой адаптации требует более глубокого анализа его психологической природы. Принято считать, что примерно у 25% осужденных, приговоренных к отбыванию наказания в ИУ, формируется определенный вариант адаптационной «системы», имеющий положительную направленность, что позволяет ему участвовать в последующей реадaptации. В подавляющем большинстве случаев формирование подобной адаптации, отвечающей своему главному критерию – истинному развитию внутреннего мира и ресоциализации, с психологической точки зрения у осужденных крайне затруднено и требует огромных психических усилий. Осужденный в данной ситуации всегда становится перед выбором принятия ценностей тюремной субкультуры, регламентируемых сообществом осужденных, или исправления и сотрудничества с администрацией ИУ. Реальная дилемма выбора того или иного пути социальной адаптации становится основой дополнительного «стресса выбора», развитие которого часто приводит к так называемому «адаптивному кризису»¹¹. Опасность данного кризиса заключается в том, что, активизируя деструктивные начала личности, он мотивирует суицидальное поведение и другие процессы дезадаптивного характера. Подобные формы дезадаптивных процессов характерны для описываемых в науке стагнирующих и деградирующих сред¹². Признаками дезадаптированности личности осужденных при этом являются: отсутствие критериев развития и противодействия негативной обстановке; интегрированность осужденного в среду и ее структуру; удовлетворенность субъекта своим социальным положением в этой среде и т.д. Это согласуется в целом с теоретическим положением теории функциональных систем (ТФС) о дестабилизации данной системы и отсутствии положительного результата действия, то есть формирования позитивной адаптации. Даже при демонстрации осужденным удачной адаптации и внешней поведенческой картине приспособления его к среде в подавляющем большинстве случаев речь идет о квазиадаптации – мнимой, ненастоящей адаптации¹³. В этих случаях имеет место имитация адаптации в виде одного из двух ее деструктивных типов – дезадаптации и квазиадаптации, которые не ведут к достижению адаптивной цели.

Явная противоестественность, возникающая при попадании и нахождении человека в ИУ, ставит перед исследователями множе-

ство вопросов относительно реальной возможности адаптации психически нормального человека к условиям неволи. Данный контекст качественного анализа проблемы психической адаптации осужденных к условиям неволи связан с понятиями «граница» социально-психической нормы с девиациями и «цена» адаптации. Согласно известному положению А. Маслоу, для самоактуализирующейся личности фрустрационные воздействия (вызывающие стрессовые состояния в психофизиологически допустимых пределах) являются мобилизующими факторами. Например, противостояние осужденного агрессивной и враждебной среде сокамерников и его отчужденность можно считать показателем сохранности духовного здоровья (стойкости, мужества) и наличия способности активного противостояния деструктивным факторам. Описывать психологический стресс, то есть «адаптацию» такого человека к ИУ, в рамках симптоматики психических нарушений будет патологизацией нормы. Стрессовая реакция противодействия в данном случае представляет активную форму положительной адаптации (сопротивления) к негативной социальной среде. Приспособление большей части осужденных к ИУ с доминирующей в нем тюремной субкультурой неизбежно включает элиминацию ряда важнейших компонентов психологического (духовно-нравственного) здоровья. Иначе говоря, психическая адаптация к пенитенциарному стрессу (условиям ИУ) имеет высокую цену и достигается во многих случаях утратой духовного и психического здоровья.

Исследования процесса стрессовой адаптации в пенитенциарной практике, к сожалению, преимущественно ограничиваются изучением его психологических проявлений. Это не только значительно сужает понимание сущности феномена адаптации, но и представляет значительную санитарно-гигиеническую проблему для осужденных, поскольку генез системы «стресс-адаптация-реадаптация» в большинстве случаев носит дистрессовый характер, что представляет серьезную угрозу для здоровья и жизни. Знание и учет нейроэндокринных и других механизмов стрессовой адаптации является необходимым условием (компетентностью) в деятельности пенитенциарного психолога. Существующий подход к описанию адаптации в виде внешних форм поведения осужденных, изучаемых вне стрессового контекста развития, лишает феномен

адаптации его важного содержания. Отход пенитенциарной психологии в этой сфере от естественно-научной платформы и углубленного анализа внутреннего мира осужденных приводит к явному упрощению понимания и причин дестабилизации системы «стресс-адаптация-реадаптация». Выводы ряда исследователей об особенностях адаптации осужденных находятся часто в линейной и «поверхностной» плоскости анализа. Сегодня проблема адаптации осужденных все активнее изучается в контексте ее стрессовой природы. Это предполагает обращение одновременно и к фундаментальным механизмам развития стресса и адаптации в виде изучения роли ресурсов организма в развитии ОАС, и к параметрам личностной устойчивости к стрессу, и к состоянию сознания (духовности).

Под положительной (истинной) адаптацией осужденного, точнее его ресоциализацией, следует понимать глубокую психологическую трансформацию личности, которая является результатом внутренней работы и требует больших психических затрат (энергии). Духовная трансформация личности осужденного должна проходить через множество этапов развития субъективной реальности, включая осознание своей жизни и неправомерности свершенного преступления, раскаяние и т.д. Путь развития духовного слоя сознания с позиций существующих теорий стресса и адаптации отражает совокупную перестройку и напряженную деятельность высших психических функций и всех регуляторных и исполнительных систем организма. Отражением же поэтапного расходования адаптационной энергии (ресурсов) у осужденных являются неспецифические изменения параметров гомеостатических процессов, выявляемые на психологическом, физиологическом и поведенческом уровнях. Подобная трансформация личности представляет главную цель всей пенитенциарной практики. Анализ внутренних и внешних проявлений успешной адаптации (ресоциализации) в смысле духовного развития (но не привыкания к условиям в ИУ) описывается в различных семантических категориях в зависимости от предмета исследования, научных школ и направлений. К весьма условным критериям успешности социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы обычно относят уровень преступности в ИУ, их психологическое и соматическое состояние, уровень суицидальности, рецидива преступности и др.

В социологических работах позитивные социально-психологические изменения рассматриваются в качестве успешного прохождения ресоциализации и формирования правосознательного поведения осужденного. По логике когнитивно-бихевиоральных подходов, неправильное поведение («формула») типа $A \rightarrow C$ (где A – условия изоляции на основе установки (стереотипов, шаблона), вызывают C – неправильное поведение и аффекты, то есть стресс) должно замениться у осужденных правильным поведением типа $A \rightarrow B \rightarrow C$, включающим в себя когнитивную «задержку» – B . Ресоциализация (результат позитивной адаптации) осужденных, таким образом, отражает не столько приобретение адекватных форм поведения, сколько следствие активизации когнитивной деятельности (B) в виде постижения своих ошибок. Замена криминальных установок (стереотипов) мышления индивида, происходящая в процессе такого научения, требует усвоения новых «образцов» мышления и смены потребностей во внутреннем «пространстве субъекта». Если учесть, что сама установка (по Д.Н. Узнадзе) имеет уровень объективизации (то есть является специфическим достоянием человека как существа мыслящего, взаимодействующего с внешним миром и строящего основы культурной жизни), то можно не только обнаружить сходство установки с акцептором результата деятельности П.К. Анохина, но и понять ее устойчивый характер. Негативная природа криминальных установок, проявляющаяся в освобождении субъекта от необходимости принимать решение и произвольно контролировать свою деятельность, во многом определяет косность, ригидность и инертность мышления, как, собственно, и всей его деятельности, то есть поведения. Под адаптацией (преодолением пенитенциарного стресса) в этом случае в первую очередь следует понимать замену криминальных установок. Известно, что сами установки обнаруживаются только при изменении условий протекания деятельности, то есть при ее «прерывании». Поскольку жизнь осужденных в ИУ – уникальный вариант «прерывания» всей жизнедеятельности, то следствием позитивной психической адаптации с точки зрения бихевиорально-когнитивной психологии может считаться замена смысловых, целевых и операциональных установок осужденных.

В психоанализе, в частности по К.Г. Юнгу, минимизация стресса (адаптация) – это преодоление присущих осужденным ком-

плексов агрессии и страха на пути постижения смысла своего первообраза (архетипа) путем достижения гармонии между внутренним и внешним миром (а также экстра- и интроверсией) в поле коллективного бессознательного. По А. Адлеру, под адаптацией следует понимать снятие комплекса неполноценности и выход из «невроза» (как основы криминальности) на основе постижения, обретения и достижения здорового (адаптивного) пути развития личности осужденного. В постфрейдистской психодинамике положительная адаптация осужденных – это развитие (выравнивание) адекватной Я-структуры, становление самоидентификации «Я» и расхода (направленности) психической энергии. В терминах гуманистической психологии адаптация (совладание со стрессом) – это самораскрытие личностью осужденного собственных (главных) резервов, изначально заложенных в каждом человеке в силах добра, психического здоровья и в стремлении к самосовершенствованию. По К. Роджерсу, это самопринятие, развитие своей самости посредством высвобождения и реализации потенциальных возможностей своего истинного «Я». По А. Маслоу (особенно его поздним взглядам), это приобретение или нахождение в себе способностей и освоение способов для нахождения путей достижения самоактуализации, то есть реализации высших духовных потребностей.

С позиции наиболее близкой пенитенциарной цели экзистенциальной психологии адаптация – это освобождение от духовного вакуума путем нахождения смысла (и понимания) своего существования (самотрансценденции), приводящего осужденного через страдания к обретению веры и высоким жизненным целям (по В. Франклу). В терминах гештальтпсихологии это достижение целостности своего внутреннего мира – ядра-фигуры – и его полное разотождествление с криминальным «фоном». В понятиях трансперсональной психологии это расширение спектра сознания (по К. Уилберу), а согласно антропологической психологии это развитие субъективного мира на основе самоанализа, саморегуляции и саморазвития. С точки зрения философской, равно как и постнеклассической психологии (по В.П. Зинченко) адаптация осужденных должна представлять формирование духовного слоя развития сознания или, другими словами, Акт становления человека Человеком. В понимании православия позитивная психологическая адаптация

осужденных к неволе – это начало пути к приобретению истинной духовности (благодати, стяжанию даров Святого Духа) через обретение веры, надежды и любви (Агапе) в процессе покаяния и молитвы. И это невозможно без борьбы с собой – со своими страстями, осознания преступления, своей греховности (промахов) и пороков. Подобным проявлениям и формам адаптации (то есть позитивным психическим изменениям) и поиску (и анализу) ее критериев посвящено огромное число исследований, в которых имели место неоднократные попытки выделения специфических психологических, психолого-физиологических, патопсихологических и психолого-педагогических новообразований, возникающих у осужденных в условиях неволи. Малая успешность нахождения специфических проявлений (маркеров) пенитенциарного стресса, равно как и процессов адаптации к нему, объясняется рядом причин, главными из которых, как уже указывалось, являются: неспецифический характер стрессовых состояний в целом, и в первую очередь нерешенность проблемы идентификации параметров психологического стресса; некаузальная природа психики человека и непредсказуемость его поведения в экстремальных состояниях (особенно осужденных в ИУ).

Таким образом, состояние истинной адаптации осужденных требует обеспечения (ресурсов) для многоуровневой организации (развития) психической сферы и духовного мира, открывающей возможности не только для приспособления, но и для активного преобразования своей субъективной реальности. Лишенная этого адаптация осужденных к ИУ представляет стагнацию и дальнейший распад (деградацию) структуры личности. Следовательно, если деятельность системы «стресс-адаптация-реадаптация» не направлена на развитие высших психических функций в виде самопознания, самоосознания, творчества и обретения духовности, то неизбежно разрушение, то есть формирование психической дезадаптации. В таких условиях длительно существующий пенитенциарный стресс при явной недостаточности резервных возможностей осужденных сопровождается истощением глубинных адаптационных ресурсов индивида и, как следствие, нарушением механизмов и процессов психической адаптации на психическом и соматическом уровнях. Срыв приспособительных (адаптационных) механизмов осужденных означает переход в фазу патологической адаптации

или формирование качественно новых состояний – процессов психической дезадаптации. Они соответствуют третьей стадии стресса (четвертому уровню) и детерминируют запуск и развитие психической и психосоматической патологии, которые в свою очередь рассматриваются в виде различных частных форм психических расстройств и заболеваний.

Установлено, что под влиянием хронического нервно-психического напряжения у осужденных уже в начальный период нахождения в ИУ адаптационные процессы могут переходить в форму различных дезадаптивных реакций, то есть сменяться патологической адаптацией. К ним на психическом уровне относятся: отказ от сознательного контроля своего состояния; охваченность (чрезмерная вовлеченность) своими переживаниями и эмоциональным реагированием; интенсивные переживания чувств тревоги и страха; оторванность от реальности, когда осужденный перестает отличать свои представления от действительности и погружается в мечты и фантазии, и т.д. Постоянное давление со стороны внешней среды ИУ в виде различных санкций, которые подавляют, ущемляют, предъявляют особые требования, во многом является дополнительным источником конфликта и ставит под удар адаптационный потенциал осужденного. Механизмы стрессовой адаптации осужденных можно представить в виде весов, на одной чаше которых лежат процессы обдумывания, совладания, а на другой – переживаемые состояния. Осужденный «держит» психологическую устойчивость (резистентность, адаптацию) до тех пор, пока происходит внутренняя переработка ситуации. Но если в конечном итоге механизмы совладания не справляются, возникает патологическая адаптация (психопатология). В психике при этом происходят изменения качественного характера. Следовательно, санкции со стороны администрации ИУ и среды (сообщества осужденных) и/или внутренние психологические конфликты вызывают состояние дистресса в виде нейрохимических, нейрофизиологических и других изменений, запускающих механизмы психопатологии – депрессию и т.д. Этот процесс может характеризоваться не плавным течением, а изменениями переломного характера (скачками).

Для описания негативных преобразований системы «стресс-адаптация-реадаптация» в отношении осужденных в начальный период формирования дезадап-

тивных состояний вместо понятия «адаптация» целесообразнее использовать понятие «компенсация». Оно лучше позволяет оценивать инициальные проявления дезадаптации и степень совладания с имеющимися нарушениями. Переход выработки положительного отношения к стрессовым ситуациям, определяемого в качестве адаптации, в состояния дистресса в большей мере отвечает критериям компенсации, которая характеризуется замещением утраченной психической функции. Компенсация в этом случае означает использование той или иной способности, более приемлемой для данного состояния субъекта и замещающей утраченную функцию. Границей, отделяющей переход от адаптивных состояний осужденного к дистрессовым, являются «крайние» (дополнительные) или длительно протекающие стрессогенные события. В этих условиях психологические (в том числе и духовные), социально-психологические и психофизиологические механизмы устойчивости осужденного под воздействием факторов ИУ, исчерпав резервные возможности (ресурсы), не могут обеспечивать адекватное отражение ситуации и совладание со стрессом. Такими событиями в виде «последней капли» могут быть даже самые незначительные по силе стрессоры: замечание, неприятное воспоминание и т.д. На фоне истощающего воздействия условий нахождения в неволе подобные дополнительные стрессоры становятся факторами срыва адаптации. В цепи переходных состояний «стресс → адаптация → компенсация → декомпенсация» последним звеном между стрессом и патологией осужденных является психическая дезадаптация, ассоциируемая с дистрессом и пограничными психическими состояниями. Ее основой служит дезинтеграция сознания, которая существенно снижает функциональный уровень жизнедеятельности и регуляторную способность индивида адекватно отражать окружающую действительность и целенаправленно воздействовать на нее. Различная степень дезинтеграции сознания в той или иной степени влияет на все психические процессы – восприятие и перцептивные ощущения, мышление, эмоции, память и др. Следовательно, участвуя в запуске и развитии (генезе) системы «адаптация-реадаптация», пенитенциарный стресс проявляется в серии повторяющихся эмоционально-стрессовых событий, ожидаемый выход из которых в формате адаптации и ресоциализации в большинстве случаев сменяет-

ся состояниями дезадаптации. И если под стрессовой адаптацией осужденных можно понимать феномен многократного приспособления к повторяющимся стрессовым событиям и/или одну из стадий хронического стресса, то уже само ее определение позволяет наделять подобную форму адаптации чертами, присущими тем или иным состояниям психической дезадаптации.

При анализе психолого-психиатрической картины состояний стрессовой адаптации и динамики развития психической дезадаптации пенитенциарные исследователи (психологи, социологи, медики, педагоги и др.) помимо трудностей диагностики проявлений собственно пенитенциарного стресса и его дифференциации от клиники сопутствующей (исходной) психопатологии попадают и в другие профессиональные «ловушки» каузальности. Они связаны как с профессиональным ракурсом изучения проблемы, так и с эффектами (характером и временной природой) взаимодействия с осужденными. К очевидным и лежащим на поверхности ошибкам профессиональной диагностики относятся «психологизация», «социализация», «медиализация» («биологизация» и т.д.) сущности и проявлений пенитенциарного стресса. Они возникают в зависимости от привязанности анализирующего к тем или иным аспектам изучения.

Так, психологи обычно «нагружают» осужденного, пребывающего в условиях хронического стресса, естественными для психически здоровых людей переживаниями на основе известного механизма проекции по типу интрапсихической «переработки» стрессовых факторов. «Примеряя» к себе действие таких стрессоров, как совершение преступления, арест, следствие, нахождение в СИЗО и ИУ, исследователи пытаются «объективизировать» собственные субъективные переживания на внутренний мир осужденных. Это отмечается во всех без исключения работах, указывающих на остроту переживания стресса осужденными, обусловленного значительным психическим напряжением и грузом эмоциональных переживаний. Классики и большинство современных пенитенциарных психологов указывают также на эмоциогенный эффект стрессоров, связанных с совершением преступления, страхом разоблачения, муками совести, ожиданием ареста, заключением под стражу, пребыванием в следственном изоляторе, судом, знакомством с тюремным бытом, а также с условиями содержания. В качестве наиболее тяжелых психических со-

стояний, как указывают психологи, выступает чувство личной незащищенности, одиночество, тревожность и т.д. Многие авторы обычно указывают, что психическое состояние находящегося в ИУ можно отождествить с переживанием мощного стресса, вызывающего сдвиги нормальных психологических и физиологических процессов. Действительно, психологическая, эмоциональная составляющая при тюремном стрессе для многих подозреваемых, подсудимых и осужденных является столь значительной, что лишает их смысла жизни и приводит к суициду. И это не вызывает сомнений, поскольку трудно отрицать картину явно негативных психических состояний осужденных и не связать их с влиянием тяжелых психотравмирующих факторов неволи. И пенитенциарный стресс с его полиморфным проявлением негативных психических состояний реально существует. Наиболее тяжело, по мнению психологов, осужденными переносится неотступное чувство личной незащищенности, одиночество и тревожность. Однако имеющиеся в этой области данные клинической психологии и пенитенциарной медицины, в первую очередь пенитенциарной психиатрии, ставят под сомнение успешность использования таких понятий, как «нормальные» психологические и физиологические процессы.

Медики – представители академической психиатрии¹⁴, напротив, больше акцентируют внимание на наличии широкого спектра явной психолого-психиатрической патологии и снижении уровня психического здоровья осужденных. Они также часто связывают выявляемые нарушения психического состояния осужденных с действием пенитенциарных стрессоров. Странники антропологической медицины относят психопатологические проявления стрессовой адаптации и другие формы аномального поведения осужденных к врожденным морфофункциональным девиациям, существующим на самых различных уровнях – психологическом (тип мышления личности), психическом, антропологическом и морфологическом (соматическом). Социальные работники и социологи в большей мере ассоциируют смешанную (многоликую) симптоматику стресса и адаптации с ситуационно-средовыми реакциями на тяжелые жизненные ситуации и т.д. Педагоги связывают блок тех или иных нарушений адаптации и личностных отклонений у осужденных с воспитательно-педагогической запущенностью (дефицитарностью). Культурологи

(в том числе и футурологи), рассматривая стрессовую дезадаптацию, отражающую проявления популяционного стресса, и различные формы патологии поведения, все чаще прибегают к поиску коррелятов с печально известной моделью человека-каннибала и возвратом к палеоантропному уровню психического мира, не знающего (в нашем случае не принимающего) социальных запретов¹⁵.

Особенности каждого из перечисленных подходов к оценке стрессового разнообразия проявлений адаптация/дезадаптация, с одной стороны, расширяют представление об их общей картине, а с другой – приводят к подмене (маскируют, затушевывают) собственно стрессовых повреждений исходной психопатологической симптоматикой и, напротив, проявления стресса позволяют принимать (диагностировать) в качестве симптомов психических расстройств. К усугубляющим психотравматизацию личности механизмам, усиливающим действие пенитенциарного стресса, относят также группу объективных и субъективных факторов в виде нарастания негативного содержания внутриличностных и межличностных конфликтов. Под ними сегодня признают не только социальную депривацию, но и другие внешние стрессоры, в первую очередь связанные с криминальной загруженностью внутреннего мира осужденных. К ним наряду с асоциальными ценностными ориентациями, деформированной системой отношений, неадекватными механизмами психологической защиты, ресурсов и стратегий копинг-поведения относят и утрату истинной духовности вследствие блокады процесса сапиентации и духовно-нравственного развития¹⁶.

Важнейшей отличительной особенностью стрессовых, адаптивных и дезадаптивных состояний осужденных от других форм протекания психологического стресса следует признать его облигатное сочетание с исходной психопатологией и возникающими в процессе наказания в виде лишения свободы «новыми» психическими расстройствами. К ним большинство авторов традиционно относили самые различные формы и констелляции неспецифической симптоматики, относящейся к психогенным психическим нарушениям пограничного уровня. Они обычно описываются в виде невротических реакций и неврозов, реактивных психогенных состояний, патологического развития личности и личностных расстройств – психопатий (ЛР), широкого круга неврозо-

психопатоподобных проявлений при соматических, неврологических и других заболеваниях, разнообразных форм соматоформных (психосоматических) заболеваний и расстройств и т.д. В последние годы наряду с увеличением удельного веса психических расстройств и наркоманий у осужденных значительно повысился уровень других социально значимых заболеваний, с которыми они попадают в места лишения свободы. Увеличение доли правонарушителей, имеющих различные виды психических отклонений, и в первую очередь ЛР, в значительной мере нивелирует оценку и диагностику собственно психологических проявлений пенитенциарного стресса и адаптации, равно как и создает трудности в вопросах его превенции и терапии. Такие осужденные характеризуются склонностью к систематическим нарушениям режима вплоть до полной дезорганизации обстановки. В целом это усложняет деятельность ИУ и является причиной напряженных и опасных ситуаций.

Все это позволяет заключить, что наряду с развитием стрессовых дезадаптов при длительном переживании осужденными неблагоприятных условий ИУ нарастает степень взаимодействия стрессовых состояний с имеющимися у них формами ЛР. В современном психодинамическом направлении ЛР практически заполняют всю «нишу» пограничной психиатрии, оставляя все меньше места неврозам, невротическим и другим психогенным расстройствам, что согласуется с результатами наших исследований и всей пенитенциарной практикой. Смешение (ассоциация) стрессовых состояний с симптоматикой ЛР приводит к усилению психических проявлений стресса и в большей мере к декомпенсации ЛР. Иначе говоря, взаимодействие стресса с ЛР индуцирует дальнейшее нарастание их негативной симптоматики и разрушение личности осужденного. Подобная ассоциация стрессовой и ЛР-симптоматики у осужденных может быть обозначена в качестве микста (смешения). Формирование микста является дополнительным фактором напряжения механизмов стрессовой адаптации и в зависимости от многих переменных неизменно сопровождается развитием третьей (финальной) стадии стресса – истощения, то есть патологической адаптации (дезадаптации). В ее возникновении принимают участие следующие особенности и факторы стрессовых воздействий ИУ: хронизация стрессовых состояний осужденных; значительная вовлеченность негативных эмоций;

многократное усиление (обновление, повторение) стрессоров (СИЗО, карантин, ИУ и другие обстановочные стрессоры ИУ); синтез (ассоциация) индуцируемых стрессом психических нарушений с исходной психопатологией (ЛР) в виде микста. Следовательно, срыв механизмов саморегуляции во многом сопряжен со снижением резервных возможностей индивида под влиянием перечисленных стрессовых факторов неволи. Преодоление стресса в результате становится невозможным и происходит формирование той или иной степени выраженности состояний психической дезадаптации. Их проявления обозначаются в виде тяжелых

расстройств эмоциональной сферы – НЭС, декомпенсации различных форм ЛР и других пограничных психических нарушений, широко представленных в литературе.

Указанные нарушения у осужденных системогенеза триады неразрывно связанных феноменов «стресс-адаптация-реадаптация» следует анализировать на основе комплексных междисциплинарных исследований, раскрывающих психологические, социально-психологические, нейроэндокринные, клеточные и молекулярные механизмы как стрессовой адаптации, так и их микстов с ЛР в формах пенитенциарной дезадаптации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Бабурин С.В. Актуальные проблемы духовно-нравственного состояния современного общества // Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи в современных условиях: Сб. материалов межведомств. регион. науч.-просветит. конф. (Вологда, 9 декабря 2013 года). Вологда, 2014. С. 3–8.

² См.: Брайт Д., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб., 2003; Васильчук Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии: Учеб. пособие. Вологда, 2014; Они же. Постнеклассический подход в науке к проблемам стресса и адаптации в исправительных учреждениях // Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования: Сб. материалов международ. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 28–29 ноября 2013 г.). Вологда, 2013. С. 297–304; Быстрова Т.В. Жизнестойкость как социально-психологический феномен: генезис, перспективы // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 241–249; Баламут А.Н., Чудова А.Х. К вопросу об изучении психологических защит осужденных мужчин, признанных злостными нарушителями режима отбывания наказания // Юридическая психология. 2010. № 4. С. 33–35.

³ См. подр.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 37–68.

⁴ См. об этом: Бохан Т.Г. Стресс и стрессоустойчивость: опыт культурно-исторического исследования. Томск, 2008; Он же. Проблема стресса в психологии: трансспективный анализ. Томск, 2008; Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М., 2008.

⁵ См. подр.: Бабурин С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 46–50; Бабурин С.В., Оботурова Н.С., Чирков А.М. Методологические подходы к проблеме стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 110.

⁶ См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 171–238.

⁷ См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных. С. 87–102.

⁸ См. подр.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 473–519.

⁹ См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных. С. 103–114.

¹⁰ См. подр.: Там же. С. 115–129.

¹¹ См.: Васильченко О.В. Социальная адаптация заключенных в местах лишения свободы: Дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 122–143.

¹² См.: Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 95.

¹ См. подр.: Baburin S.V. Aktual'nye problemy duhovno-nravstvennogo sostojanija sovremennogo obshhestva // Duhovno-nravstvennoe i patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennyh uslovijah: Sb. materialov mezhdv. region. nauch.-prosvetit. konf. (Vologda, 9 dekabrja 2013 goda). Vologda, 2014. S. 3–8.

² См.: Brajt D., Dzhons F. Stress. Teorii, issledovaniya, mify. SPb., 2003; Vasiljuk F.E. Metodologicheskij analiz v psihologii. M., 2003; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii: Ucheb. posobie. Vologda, 2014; Oni zhe. Postneklassicheskij podhod v nauke k problemam stressa i adaptacii v ispravitel'nyh uchrezhdenijah // Ugolovnaja i ugovolno-ispolnitel'naja politika v Rossii i za rubezhom: sostojanie, tendencii i problemy sovershenstvovaniya: Sb. materialov mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 28–29 nojabrja 2013 g.). Vologda, 2013. S. 297–304; Bystrova T.V. Zhiznesticost' kak social'no-psihologicheskij fenomen: genезis, perspektivy // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2015. № 2 (45). S. 241–249; Balamut A.N., Chudova A.H. K voprosu ob izuchenii psihologicheskikh zashhit osuzhdennykh muzhchin, priznannykh zlostnymi narushiteljami rezhima otbyvaniya nakazaniya // Juridicheskaja psihologija. 2010. № 4. S. 33–35.

³ См. подр.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 37–68.

⁴ См. об этом: Bohan T.G. Stress i stressoustojchivost': opyt kul'turno-istoricheskogo issledovaniya. Tomsk, 2008; On zhe. Problema stressa v psihologii: transspektivnyj analiz. Tomsk, 2008; Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti. M., 2008.

⁵ См. подр.: Baburin S.V. Problemy stressa i adaptacii v penitenciarnoj psihologii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 46–50; Baburin S.V., Oboturova N.S., Chirkov A.M. Metodologicheskie podhody k probleme stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennykh // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 3. S. 110.

⁶ См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh: Dis. ... kand. psihol. nauk. SPb., 1999; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 171–238.

⁷ См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh. S. 87–102.

⁸ См. подр.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 473–519.

⁹ См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh. S. 103–114.

¹⁰ См. подр.: Там же. С. 115–129.

¹¹ См.: Vasil'chenko O.V. Social'naja adaptacija zakljuchennyh v mestah lisheniya svobody: Dis. ... kand. sociol. nauk. Rostov n/D, 2008. S. 122–143.

¹² См.: Korel' L.V. Sociologija adaptacij: voprosy teorii, metodologii i metodiki. Novosibirsk, 2005. S. 95.

¹³ См.: Lugovoj A.S., Razumova E.M. Social'no-psihologicheskaja adaptacija zakljuchennyh k mestam lisheniya

¹³ См.: Луговой А.С., Разумова Е.М. Социально-психологическая адаптация заключенных к местам лишения свободы // Научные исследования: от теории к практике. 2014. № 1. С. 201–205; Васильченко О.В. Социальная адаптация заключенных в местах лишения свободы. С. 122–143; Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных. С. 129–135.

¹⁴ См.: Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Я. Семке. Томск, 2010; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Расстройства личности у осужденных: Моногр. Томск, 2012; Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. М., 2003; Обросов И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2004; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Тюремная субкультура и адаптация осужденных с расстройствами личности в местах лишения свободы // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология / Под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой. М., 2009. Вып. 6. С. 189–204; Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001; Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008.

¹⁵ См.: Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007.

¹⁶ См.: Gottesbegegnungen im Gefngnis. Eine Praktische Theologie der Gefangenenseelsorge Tobias Brandner. Frankfurt am Main, 2009; Tomas P. Carpenter, Tyler Laney, Amy Mezulis. Religious coping, stress and depressive symptoms among adolescents: a prospective study // Online Publication. 2011. May; Anthony Barr-Jeffrey. Attachment to God, Religious Coping and Clergy Burnout // Dissertation, 2008; Religious coping and Quality of Life among Individuals living with Schizophrenia / Brief Reports. Jennifer A. Nolan, Ph.D., M.H.S., Joseph P. McEvoy, M.D., Harold G. Koenig, M.D., M.H.S., Elizabeth G. Hooten, Sc.D., M.S.P.H., Kathryn Whetten, Ph.D., and Carl F. Pieper, D.P.H. 2012. October; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 499–512.

svobody // Nauchnye issledovanija: ot teorii k praktike. 2014. № 1. С. 201–205; Vasil'chenko O.V. Social'naja adaptacija zakljuchennyh v mestah lishenija svobody. S. 122–143; Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh. S. 129–135.

¹⁴ См.: Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Я. Семке. Томск, 2010; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Расстройства личности у осужденных: Моногр. Томск, 2012; Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. М., 2003; Обросов И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2004; Семке В.Я., Диденко А.В., Аксенов М.М. Тюремная субкультура и адаптация осужденных с расстройствами личности в местах лишения свободы // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология / Под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой. М., 2009. Вып. 6. С. 189–204; Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001; Пonomarev S.B. i dr. Sindrom tjuremnoj social'noj deprivacii v molodom vozraste. Ekaterinburg, 2008.

¹⁵ См.: Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii). SPb., 2007.

¹⁶ См.: Gottesbegegnungen im Gefngnis. Eine Praktische Theologie der Gefangenenseelsorge Tobias Brandner. Frankfurt am Main, 2009; Tomas P. Carpenter, Tyler Laney, Amy Mezulis. Religious coping, stress and depressive symptoms among adolescents: a prospective study // Online Publication. 2011. May; Anthony Barr-Jeffrey. Attachment to God, Religious Coping and Clergy Burnout // Dissertation, 2008; Religious coping and Quality of Life among Individuals living with Schizophrenia / Brief Reports. Jennifer A. Nolan, Ph.D., M.H.S., Joseph P. McEvoy, M.D., Harold G. Koenig, M.D., M.H.S., Elizabeth G. Hooten, Sc.D., M.S.P.H., Kathryn Whetten, Ph.D., and Carl F. Pieper, D.P.H. 2012. October; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 499–512.

УДК 159.9:343.83

К вопросу о формировании морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы с огнестрельным оружием

Э.В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Т.В. ВИКТОРОВА – старший психолог психологической лаборатории ИК-19 УФСИН России по Республике Коми

В статье рассматривается необходимость повышения уровня морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения, выполнение служебных обязанностей которых связано с применением огнестрельного оружия; предлагается программа, направленная на обеспечение готовности сотрудника к установленным законом решительным действиям при пресечении побегов и других противоправных деяний осужденных, в том числе к применению оружия на поражение.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сотрудник отдела охраны; несение службы с огнестрельным оружием; повышение морально-психологической устойчивости; программа психолого-педагогической поддержки сотрудников исправительного учреждения.